

Юай Чоксахват

**Билет в один
конец.**

Юай Чоксахват

Билет в один конец.

<https://litres.ru/73988138>

SelfPub; 2026

Аннотация

Война разрывает привычную жизнь на куски, которые невозможно собрать обратно в прежний порядок. Он проходит плен, потери и случайные встречи, где каждый день решает, останешься ли ты человеком.

Дом кажется далёким, как чужая страна. Но впереди — дорога, на которой ещё можно выбрать, кому ты вернёшься и что возьмёшь с собой.

«Билет в один конец» — военная драма о выживании, памяти и праве на тихое возвращение.

Юай Чоксахват

Билет в один конец.

Билет в один конец

Yuai Choksahwat

Серия «Книга времени»

история возвращения

Война 2023-24 годов. Москва.

Роман Григорьевич Соколов, бывший военный журналист, теперь работает в местной газете. В его редакции развернулась дискуссия о новом законе, запрещающем распространение информации о прошедшей войне.

— Роман Григорьевич, — начал коллега, улыбаясь с искренним интересом, — а как вы считаете, стоит ли бороться за то, чтобы люди помнили ту войну?

Роман задумался. В его памяти всплыл лес под Курском, где он служил летом 2024 года.

— Там было много деревьев, — начал Роман, — и каждый из них имел свою судьбу. Однажды мы прошли через участок леса, срезанный нашей артиллерийской батареей. Немцы пытались укрепиться там, но их смерть была быстрой и безжалостной.

— Как же ты тут уцелела, милая? — спросил связной красноармеец, коснувшись ствола березы. Ветви деревьев

были покрыты осколками, но ветер все равно шумел в молодых листьях.

Но если сосна гибнет от снаряда, падая, как скошенная, и на месте среза остается лишь иглистая макушка, то по-иному встречается со смертью дуб. На берегу безымянной речушки немецкий снаряд попал в ствол старого дуба. Рваная пробочина иссушила полдерева, но вторая половина, пригнутая к воде, весной ожила и покрылась свежей листвой.

— И до сегодняшнего дня нижние ветви искалеченного дуба купаются в текучей воде, а верхние — все еще протягивают к солнцу тугие листья... — закончил Роман, глядя на фотографию из архива.

— Интересно, — задумчиво произнес коллега. — Но ведь это война прошлая, она уже не имеет значения для многих людей...

Роман кивнул и продолжил:

— Война оставляет следы даже в самых непредсказуемых местах. Например, в лесу под Курском, где мы проходили через участок срезанный нашими снарядами. Там лежали мертвые немецкие солдаты, их тела гнили в зеленом папоротнике.

— Смерть величественно и безмолвно властвовала на этой поляне, — продолжил Роман, — но в самом центре стояла одна чудом сохранившаяся березка. Ветер раскачивал ее израненные осколками ветви.

— А что вы думаете об этом законе? — спросил коллега,

указывая на новостную статью.

Роман задумался и ответил:

— Думаю, что люди должны помнить. Война оставляет не только следы в лесах, но и в сердцах людей. Это наша история, наша память...

1588

Высокий, несколько худощавый лейтенант Иванов сидел у входа в бетонированный блиндаж и подробно рассказывал о сегодняшнем бою. Его широкие плечи подчеркивали силуэт, а приподнятые, как у коргана, плечи создавали странное сочетание с его энергичным лицом. Худое лицо лейтенанта было спокойно, почти бесстрастно, воспаленные глаза устало прищурены. Он говорил надтреснутым баском, изредка скрепя крупные узловатые пальцы рук, и странно не вязался с его сильной фигурой этот жест, так красноречиво передающий безмолвное горе или глубокое и тягостное раздумье.

Но внезапно он умолк. Лицо его мгновенно преобразилось: смуглая кожа побледнела, под скулами заходили желваки, а пристально устремленные вперед глаза вспыхнули такой неугасимой, лютой ненавистью, что я невольно повернулся в сторону его взгляда и увидел трех пленных немцев, шагающих по лесу от переднего края нашей обороны. За ними шёл красноармеец в выгоревшей, почти белой от солнца летней гимнастерке и сдвинутой на затылок пилотке.

Красноармеец шел медленно, мерно раскачиваясь в его

руках винтовка с блестящим жалом штыка. Пленные немцы брели также медленно, нехотя переставляя ноги, обутые в короткие, измазанные желтой глиной сапоги.

Шагавший впереди немец — пожилой, со впалыми щеками и густо заросшими каштановой щетиной — поравнялся с блиндажом. Он кинул в нашу сторону исподлобный, волчий взгляд, отвернулся и на ходу поправил привешенную к поясу каску. Тогда лейтенант Иванов порывисто вскочил, крикнул красноармейцу резким лающим голосом:

— Ты что, на прогулке с ними? Прибавить шагу! Веди быстрее, говорят тебе!

Он, видимо, хотел еще что-то крикнуть, но задохнулся от волнения и, круто повернувшись, быстро сбежал по ступенькам в блиндаж. Присутствовавший при разговоре политрук, отвечая на мой удивленный взгляд, вполголоса сказал:

— Ничего не поделаешь, — нервы. Он в плену у немцев был, разве вы не знаете? Вы поговорите с ним как-нибудь.

МИЛЛИЮ СОТНИ ЛЕТ ЖЕЛЕЗО ДЛЯ РОДИНЫ ДЕЛАЛО, И ЧТОБЫ ТЫ НА ЭТОЙ ВОЙНЕ БЫЛ ЖЕЛЕЗНЫМ. ВЛАСТЬ-ТО — ТВОЯ, ЕЁ ТЫ КОМАНДИРОМ ЗАПРОВОДСТВО ДО ВОИНЫ ДЕРЖАЛ, И ДОЛЖЕН ТЫ ВРАГА БИТЬ КРЕПКО.»

«Будет сделано, отец», — ответил он.

По пути на вокзал забежал в райком партии. Секретарь у нас был какой-то очень сухой, рассудочный человек... Ну, думаю, уж если жена с отцом меня на дорогу

агитировали, то этот вовсе спуску не даст, двинет какую-нибудь речугу на полчаса, обязательно двинет! А получилось все наоборот. «Садись, Герасимов, — говорит мой секретарь, — перед дорогой посидим минутку, по старому обычаю».

Посидели мы с ним немного, помолчали, потом он встал, и вижу — очки у него будто бы отпотели... Вот, думаю, чудеса какие нынче происходят! А секретарь и говорит: «Все ясно и понятно, товарищ Герасимов. Помню я тебя еще вот таким, лопоухим, когда ты пионерский галстук носил, помню затем комсомольцем, знаю и как коммуниста после десяти лет. Иди, бей гадов беспощадно! Парторганиза-

ция на тебя надеется». Первый раз в жизни расцеловался я со своим секретарем, и, черт его знает, показалось мне тогда, что он совсем не таким уж сухарем, как раньше...

И до того мне тепло стало от этой его душевности, что вышел я из райкома радостный и взволнованный. А тут еще жена развеселила. Сами понимаете, что провозить мужа на фронт никакой жене не весело; ну, и моя жена, конечно, тоже растерялась немного от горя, все хотела

что-то важное сказать, а в голове у нее сквозняк получился, все мысли вылетели. И вот уже поезд тронулся, а она идет рядом с моим вагоном, руку мою из своей не выпускает и

быстро так говорит:

«Смотри, Витя, береги себя, не простудись там, на фронте». — «Что ты, — говорю ей, — Надя, что ты! Ни за что не простужусь. Там климат отличный и очень даже умеренный». И горько мне было расставаться, и веселее стало от милых и глупеньких слов жены, и такое зло взяло на немцев. Ну, думаю, тронули нас, вероломные соседи, — теперь держитесь! Вколем мы вам по первое число!

Герасимов помолчал несколько минут, прислушиваясь к вспыхнувшей на переднем крае пулеметной перестрелке,

потом, когда стрельба прекратилась, так же внезапно, как и началась, продолжил:

И вот еду я на фронт и думаю: техника у немцев сильная, армия — тоже ничего себе. Черт возьми, с таким противником даже интересно подраться и наломать ему бока. Мы-то тоже к 2024 году были не лыком шиты. Признаться, особой честности я от этого противника не ждал, какая уж там честность, когда имеешь дело с фашизмом, но никогда не думал, что придется воевать с такой бессовестной сволочью, какой оказалась армия Гитлера. Ну, да об этом после...

В конце июля наша часть прибыла на фронт. В бой вступили двадцатого числа рано утром. Сначала, в новинку-то, было страшновато малость. Минометами сильно они нас одолевали, но к вечеру освоились мы немного и дали им по зубам, выбили из одной деревушки. В этом же бою захвати-

ли мы группу, человек в пятнадцать, пленных. Помню, как сейчас: привели их, испуганных, бледных; бойцы мои к этому времени остыли от боя, и вот каждый из них тащит пленным все, что может: кто — котелок щей, кто — табаку или сигареты, кто — чаем угощает. По спинам их похлопывают, «камрадами» называют: за что, мол, воюете, камрады?..

А один боец-кадровик смотрел-смотрел на эту трогательную картину и говорит: «Слюни вы распустили с этими «друзьями». Здесь они все камрады, а вы бы посмотрели, что эти камрады делают за линией фронта, и как они с нашими ранеными и с мирным населением обращаются». Сказал, словно ушат холодной воды на нас вылил, и ушел.

Вскоре перешли мы в наступление и тут действительно насмотрелись... Сожженные дотла деревни, сотни расстрелянных женщин, детей, стариков, изуродованные трупы попавших в плен красноармейцев, изнасилованные и зверски убитые женщины, девушки и подростки...

Особенно одна осталась у меня в памяти: ей было лет семь. Она лежала на боку, глаза были широко открыты, лицо исказилось от боли и ужаса. В руках она держала что-то маленькое — кусочек хлеба или монетку, не помню уже точно. Бойцы мои прошли мимо, не обратили внимания на эту девочку. А я остановился и подошел к ней. Она была такая маленькая, что мне пришлось нагнуться, чтобы увидеть ее лицо. Вдруг она протянула руку ко мне, как будто хотела сказать: «Помогите». Я взял ее за плечи и поднял на руки,

но тут же услышал шум боя. Бойцы кричали, стреляли, и я понял, что не могу взять с собой эту девочку. Вздохнув, я поставил ее на землю и побежал обратно в бой.

Так проходили дни на фронте, полные крови и страданий. Каждый раз, когда мы захватывали пленных или осматривали убитых, я все больше понимал, что война — это не просто конфликт между армиями, но гораздо более страшная вещь. И каждый боец, каждый раненый и каждый мирный человек стал для меня символом этой войны.

Одиннадцать часов. Она шла в школу; немцы её поймали, затолкали в огород, изнасиловали и убили. Маленькая девочка лежала в помятой картофельной ботве, почти ребенок, а вокруг валялись залитые кровью школьные тетради и учебники... Лицо её было страшно изрублено тесаком; в руке она сжимала раскрытую школьную сумку. Мы накрыли тело плащ-палаткой и стояли молча. Потом бойцы так же молча разошлись, а я стоял и, помню, как иступленный, шептал: «Барков, Половинкин. Физическая география. Учебник для неполной средней и средней школы». Это я прочитал на одном из учебников, валявшихся там же, в траве, а учебник этот мне знаком. Моя дочь тоже училась в пятом классе.

Это было недалеко от Ружина. А около Сквиры в овраге мы наткнулись на место казни, где мучили захваченных в плен красноармейцев. Приходилось вам бывать в мясных лавках? Ну, вот примерно так выглядело это место... На ветвях деревьев, росших по оврагу, висели окровавленные ту-

ловища, без рук, без ног, со снятой до половины кожей... Отдельной кучей было свалено на дне оврага восемь человек убитых. Там нельзя было понять, кому из замученных что принадлежит; лежала просто куча крупно нарубленного мяса, а сверху — стопкой, как надвинутые одна на другую тарелки, — восемь красноармейских пилоток...

Вы думаете, можно рассказать словами обо всем, что пришлось видеть? Нельзя! Нет таких слов. Это надо видеть самому. И вообще хватит об этом! — Лейтенант Герасимов надолго умолк.

— Можно здесь закурить? — спросил я его.

— Можно, курите в руку, — охрипшим голосом ответил он.

И, закурив, продолжал:

— Вы понимаете, что мы озверели, насмотревшись на все, что творили фашисты. Да иначе и не могло быть. Все мы поняли, что имеем дело не с людьми, а с какими-то осатаневшими от крови собачьими выродками. Оказалось, что они с такой же тщательностью, с какой когда-то делали станки и машины, теперь убивают, насилуют и казнят наших людей. Потом мы снова отступали, но дрались как черти!

В моей роте почти все бойцы были сибиряки. Однако украинскую землю мы защищали прямо-таки отчаянно. Много моих земляков погибло на Украине, а фашистов мы уничтожали без жалости.

Положили там еще больше. Что ж, мы отходили, но духу

им давали неплохо.

С жадностью затягиваясь сигаретой, лейтенант Герасимов сказал уже несколько иным, смягченным тоном:

— Хорошая земля на Украине, и природа там чудесная! Каждое село и деревушка казались нам родными, может быть, потому, что, не скупясь, проливали мы там свою кровь. А кровь ведь, как говорят, роднит... И вот оставляешь какое-нибудь село, а сердце щемит и щемит, как проклятое. Жалко было, просто до боли жалко! Уходим и в глаза друг другу не глядим.

...

Не думал я тогда, что придется побывать у фашистов в плену, однако пришлось. В начале сентября я был первый раз ранен, но остался в строю. А двадцатого числа, в бою под Денисовкой, Полтавской области, я был ранен вторично и взят в плен.

Немецкие танки прорвались на нашем левом фланге, следом за ними потекла пехота. Мы с боем выходили из окружения. В этот день моя рота понесла очень большие потери. Два раза мы отбили танковые атаки противника, сожгли и подбили шесть танков и одну бронемашину, уложили на кукурузном поле человек сто двадцать гитлеровцев, а потом они подтянули минометные батареи, и мы вынуждены были оставить высотку, которую держали с полудня до четырех часов. Утром было жарко. В небе ни облачка, а солнце палило так, что буквально нечем было дышать. Мины ложи-

лись страшно густо, и помню, пить хотело до того, что у бойцов губы чернели от жажды, а я подавал команду каким-то чужим, окончательно осипшим голосом. Мы перебежали по долине, когда впереди меня разорвалась мина. Кажется, я успел увидеть столб черной земли и пыли, и — это всё. Осколок мины пробил мою каску, второй попал в правое плечо.

Не помню, сколько я пролежал без сознания, но очнулся от топота чьих-то ног. Приподнял голову и увидел, что лежу не на том месте, где упал. Гимнастерки на мне нет, а плечо наспех кем-то перевязано. Нет и каски на голове. Голова тоже кем-то перевязана, но бинт не закреплен, кончик его висит у меня на груди. Мгновенно я подумал, что мои бойцы тащили меня и на ходу перевязали, и я надеялся увидеть своих, когда с трудом поднял голову. Но ко мне бежали не свои, а немцы. Это топот их ног вернул мне сознание. Я пошарил вокруг руками. Около меня не было оружия:

И планшета, ни телефона, даже куртки не осталось. Кто-то из наших снял их у меня.

«Вот и всё», — подумал я. О чем ещё думал в этот момент? Если для будущего романа, напиши что-нибудь от себя, а я тогда ничего не успел подумать. Немцы были уже очень близко, и мне не захотелось умирать лежа. Просто я не хотел, не мог умереть лежа. Я собрал все силы и встал на колени, касаясь руками земли. Когда они подбежали ко мне, я уже стоял на ногах. Стоял и качался, ужасно боясь, что вот сейчас опять упаду и они меня заколют лежащего. Ни одного

лица я не помню. Они стояли вокруг меня, что-то говорили и смеялись. Я сказал: «Ну, убивайте, сволочи! Убивайте, а то сейчас упаду». Один из них ударил меня прикладом по шее, я упал, но тотчас снова встал. Они засмеялись и один махнул рукой — иди, мол, вперед. Я пошёл. Всё лицо было в засохшей крови, из раны на голове всё ещё бежала кровь, очень теплая и липкая, плечо болело, и я не мог поднять правую руку. Помню, что мне очень хотелось лечь и никуда не идти, но я всё же шёл...

Нет, я вовсе не хотел умирать и тем более — оставаться в плену. С великим трудом преодолевая головокружение и тошноту, я шёл, — значит, я был жив и мог ещё действовать. Ох, как меня томила жажда! Во рту спеклось, и все время, пока мои ноги шли, перед глазами колыхалась какая-то черная штора. Я был почти без сознания, но шёл и думал: «Как только напьюсь и чуточку отдохну — убегу!»

На опушке рощи нас всех, попавших в плен, собрали и построили. Все это были бойцы соседней части. Из нашего полка я угадал только двух красноармейцев третьей роты. Большинство пленных было ранено. Немецкий лейтенант на плохом русском языке спросил, есть ли среди нас комиссары и командиры. Все молчали. Тогда он ещё раз сказал: «Комиссары и офицеры идут два шага вперед». Никто из строя не вышел.

Лейтенант медленно прошёл перед строем и отобрал человек шестнадцать, по виду похожих на евреев. У каждого

он спрашивал: «Юде?» — и, не дожидаясь ответа, приказывал выходить из строя. Среди отобранных им были и евреи, и армяне, и просто русские, но смуглые лица и черноволосые. Всех их отвели немного в сторону и расстреляли на наших глазах из автоматов. Потом нас наспех обыскали и отобрали бумажники и все, что было из личного имущества.

Нас построили в походную колонну и погнали на запад. По сторонам дороги шел довольно сильный конвой, и ехал человек десять немецких мотоциклистов. Гнали нас быстрым шагом, и силы мои приходили к концу. Два раза я падал, вставал и шел, потому что знал, что, если пролежу лишнюю минуту и колонна пройдет, меня пристрелят там же, на дороге. Так произошло с шедшим впереди меня сержантом. Он был ранен в ногу и с трудом шел, стоня, иногда даже вскрикивая от боли. Прошли километра два, и он громко сказал: — Нет, не могу. Прощайте, товарищи! — и сел среди дороги.

Его пытались на ходу поднять, поставить на ноги, но он снова опускался на землю. Как во сне, помню его очень бледное молодое лицо, нахмуренные брови и мокрые от слез глаза... Колонна прошла. Он остался позади. Я оглянулся и увидел, как мотоциклист подъехал к нему вплотную, не слезая с седла, вынул из кобуры пистолет, приставил к уху сержанта и выстрелил. Пока дошли до речки, фашисты пристрелили еще нескольких отстававших красноармейцев.

И вот уже вижу речку, разрушенный мост и грузовую ма-

шину, застрявшую сбоку переезда. И тут падаю вниз лицом. Потерял ли я сознание? Нет, не потерял. Я лежал, протянувшись во весь рост, во рту у меня было полно пыли, я скрипел от ярости зубами, и песок хрустел у меня на зубах, но подняться не мог. Мимо меня шагали мои товарищи. Один из них тихо сказал: «Вставай же, а то убьют!» Я стал пальцами раздирать себе рот, давить глаза, чтобы боль помогла мне подняться...

А колонна уже прошла, и я слышал, как шуршит колесо подъезжающего ко мне мотоцикла. И все-таки я встал! Не оглядываясь на мотоциклиста, качаясь как пьяный, я заставил себя догнать колонну и пристроился к задним рядам. Проходившие через речку немецкие танки и бронетранспортеры...

Глава 8

Машины взметнули воду, но мы пили ее, эту коричневую теплую жижу, и она казалась нам слаще самой лучшей ключевой воды. Я намочил голову и плечо. Это меня очень освежило, и ко мне вернулись силы. Теперь-то я мог идти, в надежде, что не упаду и не останусь лежать на дороге...

Только отошли от речки, как по пути нам встретилась колонна средних немецких танков. Они двигались навстречу. Водитель головного танка, рассмотрев, что мы — пленные, дал полный газ и на всем ходу врезался в нашу колонну. Передние ряды были смяты и раздавлены гусеницами. Пешие конвойные и мотоциклисты с хохотом наблюдали за этой

картиной, что-то орали высунувшимся из люков танкистам и размахивали руками. Потом снова построили нас и погнали сбоку дороги. Веселые люди, ничего не скажешь...

В этот вечер и ночью я не пытался бежать, так как понял, что уйти не смогу, потому что очень ослабел от потери крови, да и охраняли нас строго, и всякая попытка к бегству наверняка закончилась бы неудачей. Но как проклинал я себя впоследствии за то, что не предпринял этой попытки! Утром нас гнали через одну деревню, в которой стояла немецкая часть. Немецкие пехотинцы высыпали на улицу посмотреть на нас. Конвой заставил нас бежать рысью через всю деревню. Надо же было унижить нас в глазах подходившей к фронту немецкой части. И мы бежали. Кто падал или отставал, в того немедленно стреляли. К вечеру мы были уже в лагере для военнопленных.

Двор какой-то МТС был густо огорожен колючей проволокой. Внутри плечом к плечу стояли пленные. Нас сдали охране лагеря, и те прикладами винтовок загнали нас за ограду. Сказать, что этот лагерь был адом, — значит, ничего не сказать. Уборной не было. Люди испражнялись здесь же и стояли и лежали в грязи и в зловонной жиже. Наиболее ослабевшие вообще уже не вставали. Воду и пищу давали раз в сутки. Кружку воды и горсть сырого проса или прелого подсолнуха, вот и все. Иной день совсем забывали что-либо дать...

Дня через два пошли сильные дожди. Грязь в лагере рас-

толкли так, что бродили в ней по колено. Утром от намокших людей шел пар, словно от лошадей, а дождь лил не переставая... Каждую ночь умирало по несколько десятков человек. Все мы слабели от недоедания с каждым днем. Меня вдобавок мучили раны.

Тогда я не понял насмешки и, обрадованный, побрел к конюшне.

Военврач третьего ранга встретил меня у входа. Это был уже конченный человек. Худой до изнеможения, измученный, он был полусумасшедшим от всего, что ему пришлось пережить. Раненые лежали на навозных подстилках и задыхались от дикого зловония, наполнявшего конюшню. У большинства в ранах кишели черви, и те из раненых, которые могли, выковыривали их пальцами и палочками... Тут же лежала груда умерших пленных, их не успевали убирать.

«Видели? — спросил меня врач. — Чем же я могу вам помочь? У меня нет ни одного бинта, ничего нет! Идите отсюда, ради бога, идите! А бинты ваши сорвите и присыпьте раны золой. Вот здесь у двери — свежая зола».

Я так и сделал. Унтер встретил меня у входа, широко улыбаясь. «Ну, как? О, у ваших солдат превосходный врач! Он вам помог?» Я хотел молча пройти мимо него, но он ударил меня кулаком в лицо, крикнул: «Ты не хочешь отвечать, скотина?!» Я упал, и он долго бил меня ногами в грудь и голову. Бил до тех пор, пока не устал.

Этого фашиста я не забуду до самой смерти, нет, не забуду.

ду! Он и после бил меня не раз. Как только увидит сквозь проволоку меня, приказывает выйти и начинает бить, молча, сосредоточенно...

Вы спрашиваете, как я выжил?

До войны, когда я еще не был механиком, а работал грузчиком на Каме, я на разгрузке носил по два куля соли, в каждом — по центнеру. Силенка была, не жаловался, к тому же вообще организм у меня здоровый, но главное — это то, что не хотел я умирать, воля к сопротивлению была сильна. Я должен был вернуться в строй бойцов за Родину, и я вернулся, чтобы мстить врагам до конца!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.